

Независимая газета. — 1998. — 19 дек. — с. 7

ПОВЕСТЬ О НЕНАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Актер Владимир Качан пробует свои силы в прозе

Мария Ремизова

НЕТРУДНО угадать, какой будет проза, вышедшая из-под пера поэта, — в первую очередь, конечно же, поэтической. Когда за дело берется актер, читатель вправе ожидать от прозаических опытов определенного артистизма.

«Роковая Маруся» (с подзаголовком «театральная повесть») Владимира Качана, опубликованная в № 11 «Октября», требоваям артистизма отвечает в высшей степени — она изящна, игрива, даже грациозна, исполнена легким слогом, словом, по всем статьям вещь для неутомительно-го чтения людьми, не обремененными большими проблемами.

Действие разыгрывается актерами и по большей части происходит в театре. О, театр! Это такое место, где граница между правдой и вымыслом так тонка, что люди, вовлеченные в хоровод этого бесконечного карнавала, давно перестали ее замечать. Подлинные чувства заменены для них суррогатом сиюминутных страстей, а движения души, тысячи раз сымитированные на сцене, в реальной жизни от этих бесчисленных имитаций истерлись до ветхости, так что теперь их место занимают повороты интриг.

Автор радушно приглашает нас заглянуть в этот мир искусных (артистичных) интриг, где любовь — лишь повод блестяще отыграть свою партию, ловко лицедействуя и манипулируя партнерами, чтобы в итоге не получить ничего (потому что выиграть что-нибудь можно, лишь поставив перед тем что-нибудь на кон, а тут никто ничего не ставит — разве амбиции, уязвленное самолюбие).

Героиню автор подает как прелестную стерву, умеющую в нужный момент пустить такую особенную роковую слезу (единственную, но оттого еще более сценичную), что любой мужчина, на кого направлен в этот момент флюид обольщения, теряет голову и гибнет безвозвратно. Подлянка в том, что красавице этот погибший ни на черта не нужен; как истинная женщина-вамп, она наслаждается именно муками несчастного, подарив ему ночь люб-

ви и тотчас безжалостно отвергнув. То ли «Египетские ночи» не дают ей покоя, то ли туберкулез (а она больна туберкулезом) действительно обостряет чувственность до такой патологии, но жрица любви трудится на этой нелегкой ниве, не зная ни сна, ни отдыха. К тому же муж, известный скрипач, окружает ее докучной роскошью, что, как известно,

силки страсти. Наконец-то ей попался достойный соперник. Случайно услышав, как она в кругу других актрис насмехается над своей новой жертвой, отвергнутый любовник замышляет месть и с помощью ловкой игры, в которую вовлекается и соблазненная им (и полюбившая его — действительно полюбившая по молодости и по неопытности) студентка теа-

лога мы узнаем, что любовник скатился потом по наклонной плоскости, а Маруся, состарившись, ушла на пенсию (до этого она ушла от богатого мужа), служит в театре вахтером, но счастлива и у нее новый роман.

Вот тут бы и выйти на свет автору, который все это время тактично прятался за кулисами, и хоть чуток намекнуть, зачем он так ловко и стильно рассказал нам эту не красивую и в общем-то неинтересную историю. Нет, Боже упаси, не надо никаких нравоучений, сентенций и морали в конце. Но все-таки проза, как и актерское мастерство, имеет свои законы, и одним искусным исполнением тут не отделаешься. Как-то недостаточно для повести банального морализаторского хода, точнее, намека — вот, дескать, встретился наш постаревший и порастерявший талант любовник в фойе ресторана ВТО с бывшей своей любовницей-студенточкой, которая теперь знаменитая актриса с незажившей раной от предательства первой любви, она его как бы простила, а ему в протянутую к ней руку кто-то сунул двадцать долларов, и он эти доллары после минутного содрогания положил в карман, потому что человек уже совсем пропавший, — но этакий маломощный довод как-то не убеждает.

Так и остается загадкой, что хотел сказать автор, самолично приносящий в финале роковой Марусе букет хризантем — или он хочет сказать, что Маруся и есть какая-нибудь современная Вечная Женственность? Или, став наконец театральной вахтершей, она избавилась от своей вечной фальши? Или просто — хороша она или плоха — снисходительный автор готов ей все прощать: больно уж эффектно наигранная слеза на милостивом личике, ладно подобран костюм и аксессуар (скромный гранатовый крестик на черном бархате, точно капля крови, выступившая прямо из сердца)?

Автор закончил свою повесть как человек театра — цветами примадонне. Ну что ж, мило, талантливо... Занавес закрывается. Театр масок закрывается. Публика позевывая расходится по домам. Там ожидают встречи с живыми людьми. После этого карнавала фальши особенно ясно понимаешь, какое это счастье.

Владимир Качан в спектакле «А чей-то ты во фраке?».

самым пагубным образом сказывается на женских нравах.

Однако и на старуху бывает проруха. Охмутив очередного молодого красавца и поразив его сердце своей ядовитой стрелой, наша Клеопатра сама попадает в

театрального училища, он добивается сначала ревности, а потом и ответной страсти роковой Маруси.

Следует серия аттических ночей, потом любовники расстаются, поскольку днем им вместе делать в принципе нечего. Из эпи-